

Артур
Конан Дойл

Собяка Баскервильей

Издательский
Дом
Мещерякова

БИСС: Большое иллюстрированное собрание сочинений

Артур Конан Дойл
Собака Баскервиль

«ИД Мещерякова»

1902

УДК 821.111
ББК 84(4)

Дойл А.

Собака Баскервиль / А. Дойл — «ИД Мещерякова»,
1902 — (БИСС: Большое иллюстрированное собрание сочинений)

ISBN 978-5-00108-161-6

Пятая книга о Шерлоке Холмсе в серии «БИСС» Артура Конана Дойла. Впервые отдельной книгой повесть была опубликована в 1902 году. Страшная легенда об огромной собаке, живущей на болотах Гримпенской трясины, преследует род Баскервильей. Сэр Чарльз Баскервиль найден мёртвым недалеко от своего дома, а рядом – следы таинственной собаки. Джеймс Мортимер, врач и друг семейства, обращается за помощью к Шерлоку Холмсу, чтобы установить, что же на самом деле угрожает последнему наследнику поместья Генри Баскервилю. Издание с иллюстрациями Сидни Пейджета и Наталии Михальчук.

УДК 821.111

ББК 84(4)

ISBN 978-5-00108-161-6

© Дойл А., 1902
© ИД Мещерякова, 1902

Содержание

Глава I	6
Глава II	11
Глава III	20
Глава IV	29
Глава V	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Артур Конан Дойл

Собака Баскервиль

Sir Arthur Ignatius Conan Doyle
The Hound of the Baskervilles

Перевод с английского Н. А. Волжиной

Глава I

Мистер Шерлок Холмс

Мистер Шерлок Холмс сидел за столом и завтракал. Обычно он вставал довольно поздно, если не считать тех нередких случаев, когда ему вовсе не приходилось ложиться. Я стоял на коврике у камина и вертел в руках палку, забытую нашим вчерашним посетителем, хорошую толстую палку с набалдашником – из тех, что именуются «веским доказательством». Чуть ниже набалдашника была прибита серебряная пластинка шириной около дюйма. На пластинке было начертано: «Джеймсу Мортимеру, Ч. К. Х. О., от его друзей по ЧКЛ» и дата: «1884». В прежние времена с такими палками – солидными, увесистыми, надёжными – ходили почтенные домашние врачи.

– Ну-с, Ватсон, какого вы мнения о ней?

Холмс сидел спиной ко мне, и я думал, что мои манипуляции остаются для него незамеченными.

– Откуда вы знаете, чем я занят? Можно подумать, что у вас глаза на затылке!

– Чего нет, того нет, зато передо мной стоит начищенный до блеска серебряный кофейник, – ответил он. – А в самом деле, Ватсон, что вы скажете о палке нашего посетителя? Мы с вами прозевали его и не знаем, зачем он приходил. И раз уж нам так не повезло, придётся обратить особое внимание на этот случайный сувенир. Обследуйте палку и попробуйте воссоздать по ней её владельца, а я вас послушаю.

– По-моему, – начал я, стараясь по мере сил следовать методу моего приятеля, – этот доктор Мортимер – преуспевающий медик средних лет, к тому же всеми уважаемый, поскольку друзья наделяют его такими знаками внимания.

– Хорошо! – сказал Холмс. – Превосходно!

– Кроме того, я склонен думать, что он сельский врач, а следовательно, ему приходится делать большие концы пешком.

– А это почему?

– Потому что его палка, в прошлом весьма недурная, так сбита, что я не представляю себе её в руках городского врача. Толстый железный наконечник совсем стёрся – видимо, доктор Мортимер исходил с ней немало миль.

– Весьма здравое рассуждение, – сказал Холмс.

– Опять же надпись: «От друзей по ЧКЛ». Я полагаю, что буквы «КЛ» означают «клуб», вернее всего, охотничий, членам которого он оказывал медицинскую помощь, за что ему и преподнесли этот небольшой подарок.

– Ватсон, вы превзошли самого себя! – сказал Холмс, откидываясь на спинку стула и закуривая сигарету. – Я не могу не отметить, что, описывая со свойственной вам любезностью мои скромные заслуги, вы обычно преуменьшаете свои собственные возможности. Если от вас самого не исходит яркое сияние, то вы, во всяком случае, являетесь проводником света. Мало ли таких людей, которые, не блистая талантом, всё же обладают недюжинной способностью зажигать его в других! Я у вас в неоплатном долгу, друг мой.

Я впервые услышал от Холмса такое признание, и должен сказать, что его слова доставили мне огромное удовольствие, ибо равнодушие этого человека к моему восхищению им и ко всем моим попыткам предать гласности метод его работы не раз ущемляло моё самолюбие. Кроме того, я был горд тем, что мне удалось не только овладеть методом Холмса, но и применить его на деле и заслужить этим похвалу моего друга.

Холмс взял палку у меня из рук и несколько минут разглядывал её невооружённым глазом. Потом, явно заинтересовавшись чем-то, отложил сигарету в сторону, подошёл к окну и снова стал осматривать палку, но уже через увеличительное стекло.

– Не бог весть что, но всё же любопытно, – сказал он, возвращаясь на своё излюбленное место в углу дивана. – Кое-какие данные здесь, безусловно, есть, и они послужат нам основой для некоторых умозаключений.

– Неужели от меня что-нибудь ускользнуло? – спросил я не без чувства самодовольства. – Надеюсь, я ничего серьёзного не упустил?

– Увы, дорогой мой Ватсон, большая часть ваших выводов ошибочна. Когда я сказал, что вы служите для меня хорошим стимулом, это, откровенно говоря, следовало понимать так: ваши промахи иногда помогают мне выйти на правильный путь. Но сейчас вы не так уж заблуждаетесь. Этот человек, безусловно, практикует не в городе, и ему приходится совершать большие концы пешком.

– Значит, я был прав.

– В этом отношении – да.

– Но ведь это всё?

– Нет, нет, дорогой мой Ватсон, не всё, далеко не всё. Так, например, я бы сказал, что подобное подношение врач скорее всего может получить от какой-нибудь лечебницы, а не от охотничьего клуба, а когда перед лечебницей стоят буквы «ЧК», название «Чаринг-Кросская» напрашивается само собой.

– Возможно, что вы правы.

– Всё наводит на такое толкование. И если мы примем мою догадку за рабочую гипотезу, то у нас будут дополнительные данные для воссоздания личности нашего неизвестного посетителя.

– Хорошо. Предположим, что буквы «ЧКЛ» означают «Чаринг-Кросская лечебница». Какие же дальнейшие заключения можно отсюда вывести?

– А вам ничего не приходит в голову? Вы же знакомы с моим методом. Попробуйте применить его.

– Вывод очевиден: прежде чем уехать в деревню, этот человек практиковал в Лондоне.

– А что, если мы пойдём немного дальше? Посмотрите на это вот под каким углом зрения: почему ему был сделан подарок? Когда его друзья сочли нужным преподнести ему сообща эту палку в знак своего расположения? Очевидно, в то время, когда доктор Мортимер ушёл из лечебницы, решив заняться частной практикой. Ему поднесли подарок, это нам известно. Предполагается, что работу в лечебнице он сменил на сельскую практику. Будут ли наши выводы слишком смелыми, если мы скажем, что подарок был сделан именно в связи с его уходом?

– Это весьма вероятно.

– Теперь отметьте, что он не мог состоять в штате консультантов лечебницы, ибо это доступно только врачу с солидной лондонской практикой, а такой врач вряд ли уехал бы из города. Тогда кем же он был? Если он работал там, не будучи штатным консультантом, значит, ему отводилась скромная роль куратора, живущего при лечебнице, то есть немногим большая, чем роль практиканта. И он ушёл оттуда пять лет назад – смотрите дату на палке. Таким образом, дорогой мой Ватсон, ваш солидный пожилой домашний врач испарился, а вместо него перед нами вырос весьма симпатичный человек лет тридцати, нечестолюбивый, рассеянный и нежно любящий свою собаку, которая, как я приблизительно прикидываю, больше терьера, но меньше мастифа.

Я недоверчиво рассмеялся, а Шерлок Холмс откинулся на спинку дивана и пустил в потолок маленькие, плавно колеблющиеся в воздухе кольца дыма.

– Что касается последнего пункта, то тут вас никак не проверишь, – сказал я, – но кое-какие сведения о возрасте этого человека и его карьере мы сейчас отыщем.

Я снял со своей маленькой книжной полки медицинский справочник и нашёл нужную фамилию. Там оказалось несколько Мортимеров, но я сразу же отыскал нашего посетителя и прочёл вслух всё, что к нему относилось:

– «Мортимер Джеймс, с 1882 года член Королевского хирургического общества. Гримпен, Дартмур, графство Девоншир. С 1882 по 1884 год – куратор Чаринг-Кросской лечебницы. Удостоен премии Джексона по разделу сравнительной патологии за работу „Не следует ли считать болезни явлением атавистического порядка?“. Член-корреспондент Шведского патологического общества. Автор статей „Аномальные явления атавизма“ („Ланцет“, 1882), „Прогрессируем ли мы?“ („Вестник психологии“, март, 1883). Сельский врач приходов Гримпен, Торсли и Хай-Бэрроу».

– Ни слова об охотничьем клубе, Ватсон, – с лукавой улыбкой сказал Холмс, – зато действительно сельский врач, как вы тонко подметили. Мои умозаключения правильны. Что же касается прилагательных, то, если не ошибаюсь, я употребил следующие: симпатичный, нечестолюбивый и рассеянный. Уж это я знаю по опыту: только симпатичные люди получают прощальные подарки, только самые нечестолюбивые меняют лондонскую практику на сельскую и только рассеянные способны оставить свою палку вместо визитной карточки, прождав больше часа в вашей гостиной.

– А собака?

– Была приучена носить поноску за хозяином. Эта палка не из лёгких, собака брала её посередине и крепко сжимала зубами, следы которых видны совершенно отчётливо. Судя по

расстоянию между отметинами, для терьера такие челюсти слишком широки, а для мастифа узки. Возможно, что... боже мой! Ну конечно, кокер-спаниель!

Говоря это, Холмс сначала расхаживал по комнате, потом остановился у оконной ниши. В его последних словах прозвучало такое твёрдое убеждение, что я недоумённо взглянул на него.

– Послушайте, друг мой, почему вы в этом уверены?

– По той простой причине, что я вижу собаку у наших дверей, а вот и звонок её хозяина. Не уходите, Ватсон, прошу вас. Вы же с ним коллеги, и ваше присутствие поможет мне. Вот она, роковая минута, Ватсон! Вы слышите шаги на лестнице, эти шаги врываются в вашу жизнь, но что они несут с собой – добро или зло, – неизвестно. Что понадобилось человеку науки, доктору Джеймсу Мортимеру, от сыщика Шерлока Холмса?... Войдите.

Наружность нашего гостя удивила меня, ибо я рассчитывал увидеть типичного сельского врача. Доктор Мортимер оказался очень высоким, худым человеком с длинным носом, торчащим, словно клюв, между серыми, близко посаженными глазами, которые ярко поблёскивали за золотой оправой очков. Одет он был, как и подобает человеку его профессии, но несколько неряшливо: сильно поношенный пиджак, обтрёпанные брюки. Он уже сутулился, несмотря на молодые годы, и странно вытягивал шею, благожелательно приглядываясь к нам. Войдя в комнату, наш гость тотчас же увидел палку в руках Холмса и с радостным возгласом потянулся за ней.

– Какое счастье! А я никак не мог вспомнить, где я её оставил, здесь или в паровой компании. Потерять такую вещь! Это было бы просто ужасно!

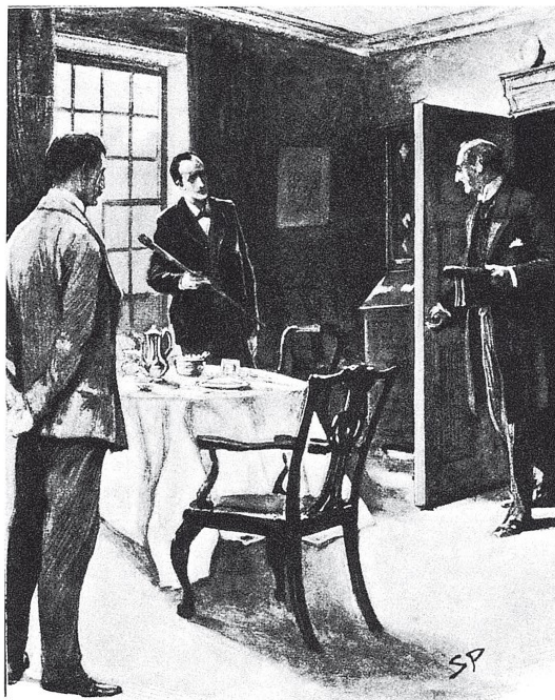
– Подарок? – спросил Холмс.

– Да, сэр.

– От Чаринг-Кросской лечебницы?

– Да, от тамошних друзей ко дню моей свадьбы.

– Ай-ай, как это скверно! – сказал Холмс, покачивая головой.

Доктор Мортимер изумлённо заморгал глазами.

– А что же тут скверного?

– Только то, что вы нарушили ход наших умозаключений. Значит, подарок был свадебный.

– Да, сэр. Я женился и оставил лечебницу, а вместе с ней и все надежды на должность консультанта. Надо было обзаводиться собственным домом.

– Ну, вот видите, мы не так уж сильно ошиблись, – сказал Холмс. – А теперь, доктор Джеймс Мортимер...

– Что вы, что вы! У меня нет докторской степени, я всего лишь скромный член Королевского хирургического общества.

– И, по-видимому, человек научного склада ума?

– Я имею только некоторое отношение к науке, мистер Холмс: так сказать, собираю раковины на берегу необъятного океана познания. Если не ошибаюсь, я имею честь говорить с мистером Шерлоком Холмсом, а не с...

– Нет, доктор Ватсон вот, перед вами.

– Очень рад познакомиться, сэр. Ваше имя часто упоминается рядом с именем вашего друга. Вы меня чрезвычайно интересуете, мистер Холмс. Я никак не ожидал, что у вас такой удлинённый череп и так сильно развиты надбровные дуги. Разрешите мне прощупать ваш теменной шов. Слепок с вашего черепа, сэр, мог бы служить украшением любого антропологического музея до тех пор, пока не удастся получить самый оригинал. Не считите это за лесть, но я просто завидую такому черепу.

Шерлок Холмс усадил нашего странного гостя в кресло.

– Мы с вами, по-видимому, оба энтузиасты своего дела, сэр, – сказал он. – Судя по вашему указательному пальцу, вы предпочитаете кручёные папиросы. Не стесняйтесь, закуривайте.

Доктор Мортимер вынул из кармана табак и бумагу и с поразительной ловкостью свернул папиросу. Его длинные, чуть дрожащие пальцы двигались проворно и беспокойно, как щупальца у насекомого.

Холмс сидел молча, но быстрые, мимолётные взгляды, которые он бросал на нашего занятого собеседника, ясно говорили о том, что этот человек сильно интересует его.

– Я полагаю, сэр, – начал он наконец, – что вы оказали мне честь своим вчерашним и сегодняшним посещением не только ради обследования моего черепа?

– Нет, сэр, конечно, нет! Правда, я счастлив, что мне представилась такая возможность, но меня привело к вам совсем не это, мистер Холмс. Я человек отнюдь не практической складки, а между тем передо мной внезапно встала одна чрезвычайно серьёзная и чрезвычайно странная задача. Считаю вас вторым по величине европейским экспертом...

– Вот как, сэр! Разрешите полюбопытствовать, кто имеет честь быть первым? – довольно резким тоном спросил Холмс.

– Господин Бертильон пользуется большим авторитетом у людей с научным складом мышления.

– Тогда почему бы вам не обратиться к нему?

– Я говорил, сэр, о «научном складе мышления», но как практик вы не знаете себе равных – это признано всеми. Надеюсь, сэр, что я не позволил себе излишней...

– Так, самую малость, – ответил Холмс. – Однако, доктор Мортимер, я думаю, что вы поступите совершенно правильно, если сейчас же, без дальнейших отступлений, расскажете мне, в чём состоит дело, для разрешения которого вам требуется моя помощь.

Глава II

Проклятие рода Баскервильей

– У меня в кармане лежит одна рукопись, – сказал доктор Джеймс Мортимер.

– Я заметил это, как только вы вошли, – сказал Холмс.

– Рукопись очень древняя.

– Начало восемнадцатого века, если только не подделка.

– Откуда вам это известно, сэр?

– Разговаривая со мной, вы всё время показываете мне краешек этой рукописи дюйма в два шириной. Плох же тот эксперт, который не сможет установить дату документа с точностью до одного-двух десятилетий. Вам, может быть, приходилось читать мой небольшой труд по этому вопросу? Я датирую вашу рукопись тысяча семьсот тридцатым годом.

– Точная дата – тысяча семьсот сорок второй. – Доктор Мортимер вынул рукопись из бокового кармана пиджака. – Эта фамильная реликвия была отдана мне на хранение сэром Чарльзом Баскервилем, внезапная и трагическая смерть которого так взволновала весь Девоншир три месяца назад. Я считал себя не только врачом сэра Чарльза, но и его личным другом. Это был человек властный, умный, весьма практический и отнюдь не фантазёр, как ваш покорный слуга. И всё же он относился к этому документу очень серьёзно и был подготовлен к тому концу, который и уготовила ему судьба.

Холмс протянул руку, взял рукопись и расправил её на коленях.

– Ватсон, присмотритесь к написанию буквы «д». Это одна из тех особенностей, которые помогли мне установить дату документа.

Я взглянул через его плечо на пожелтевшие листы с полустёртыми строками. Вверху страницы было написано: «Баскервиль-холл», а ниже стояли крупные, размашистые цифры: «1742».

– Это, по-видимому, какая-то запись.

– Да, запись одного предания, которое живёт в роду Баскервильей.

– Но, насколько я понял, вы пришли посоветоваться со мной по вопросу более практическому и более близкому к нам по времени.

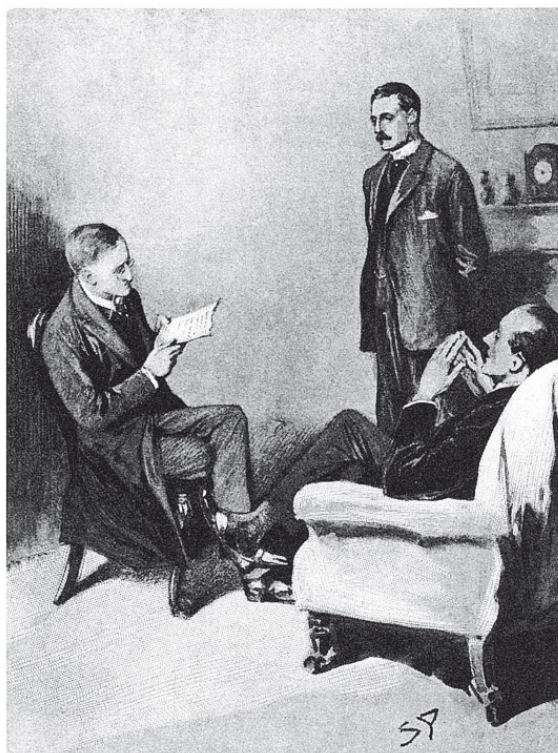
– Да, животрепещуще близкому! Он не терпит отлагательств, его надо решить в течение суток. Рукопись совсем короткая, и она имеет непосредственное отношение к делу. С вашего позволения, я прочту её вам.

Откинувшись на спинку кресла, Холмс сомкнул кончики пальцев и с видом полной покорности судьбе закрыл глаза. Доктор Мортимер повернулся к свету и высоким скрипучим голосом начал читать нам следующую любопытную повесть древних времён:

– «Много есть свидетельств о собаке Баскервильей, но, будучи прямым потомком Хьюго Баскервиля и будучи наслышан о сей собаке от отца своего, а он – от моего деда, я положил себе записать сию историю, не сомневаясь в подлинности её. И я хочу, дети мои, чтобы вы уверовали, что высший судия, наказующий нас за прегрешения наши, волен и отпустить их нам с присущим ему милосердием, и что нет столь тяжкого проклятия, коего нельзя было бы искупить молитвой и покаянием. Так предайте же забвению страшные плоды прошлого, но остерегайтесь грешить в будущем, дабы снова всем нам на погибель не даровать свободу тёмным страстям, причинившим столько зла всему нашему роду.

Знай же, что во времена Великого Восстания (историю его, написанную лордом Кларендоном, мужем большой учёности, я всячески советую вам прочесть) владельцем поместья Баскервиль был Хьюго, того же рода, и этого Хьюго можно со всей справедливостью назвать человеком необузданным, нечестивым и безбожным. Соседи простили бы ему все его прегре-

шения, ибо святые никогда не водились в наших местах, но в натуре Хьюго была склонность к безрассудным и жестоким шуткам, что и сделало имя его притчей во языцех во всём Девоне. Случилось так, что этот Хьюго полюбил (если только можно назвать его тёмную страсть столь чистым именем) дочь одного фермера, земли коего лежали поблизости от поместья Баскервильей. Но юная девица, известная своей скромностью и добродетелью, страшилась одного его имени и всячески его избегала. И вот однажды, а было это в Михайлов день, Хьюго Баскервиль отобрал из своих товарищей шестерых самых отчаянных и беспутных, прокрался к ферме и, зная, что отец и братья девицы находятся в отлучке, увёз её. Вернувшись в Баскервиль-холл, он спрятал свою пленницу в одном из верхних покоев, а сам, по своему обычаю, стал пировать с товарищами. Несчастная чуть ли не лишилась ума, слыша пение, крики и страшную брань, доносившиеся снизу, ибо, по свидетельству тех, кто знал Хьюго Баскервиля, он был столь несдержан на язык во хмелю, что, казалось, подобные богохульные слова могут испепелить человека, осквернившего ими уста свои. Под конец страх довёл девицу до того, что она отважилась на поступок, от коего отказался бы и самый ловкий и смелый мужчина, а именно: выбралась на карниз, спустилась на землю по плющу, что оплетал (и по сию пору оплетает) южную стену замка, и побежала через болото в отчий дом, отстоявший от баскервильского поместья на три мили.

По прошествии некоторого времени Хьюго оставил гостей с намерением отнести своей пленнице еду и питьё, а может статься, в мыслях у него было и нечто худшее, но увидел, что клетка опустела и птичка вылетела на волю. И тогда его обуял дьявол, ибо, сбежав вниз по лестнице в пиршественный зал, он вскочил на стол, разметал фляги и блюда и поклялся во всеуслышание отдать тело своё и душу силам зла, лишь бы настигнуть беглянку. И пока сотрапезники его стояли, поражённые бушевавшей в нём яростью, один из них, самый бессердечный или самый хмельной, крикнул, что надо пустить собак по следу. Услышав такие слова, Хьюго выбежал из замка, приказал конюхам оседлать его вороную кобылу и спустить собак и, дав им понюхать косынку, оброненную девицей, поскакал следом за громко лающей сворой по залитому лунным светом болоту.

Сотрапезники его некоторое время стояли молча, не уразумев сразу, из-за чего поднялась такая суматоха. Но вот до их отуманенного винными парами рассудка дошло, какое чёрное дело будет содеяно на просторах торфяных болот. Тут все закричали: кто требовал коня, кто пистолет, кто флягу вина. Потом, несколько одумавшись, они всей оравой, числом в тринадцать человек, вскочили на коней и присоединились к погоне. Луна сияла ярко, преследователи скакали все в ряд по тому пути, каким, по их расчётам, должна была бежать девица, если она имела намерение добраться до отчего дома.

Проехав милю или две, они повстречали пастуха со стадом и спросили его, не видал ли он погоню. А тот, как рассказывают, сначала не мог вымолвить ни слова от страха, но потом всё же признался, что видел несчастную девицу и что по следам её неслись собаки. «Но я видел и нечто другое, – присовокупил он. – Хьюго Баскервиль проскакал мимо меня на своей вороной кобыле, а за ним молча гналась собака, и не дай мне боже увидеть когда-нибудь такое исчадие ада у себя за спиной!»

Пьяные сквайры обругали пастуха и поскакали дальше. Но вскоре мороз пробежал у них по коже, ибо они слышали топот копыт, и вслед за тем вороная кобыла, вся в пене, пронеслась мимо них без всадника и с брошенными поводьями. Беспутные гуляки сбились в кучу, обуянные страхом, потом двинулись дальше, хотя каждый из них, будь он здесь один, без товарищей, с радостью повернул бы своего коня вспять. Они медленно продвигались вперёд и наконец увидели собак. Вся свора, издавна славившаяся чистотой породы и свирепостью, жалобно визжала, теснясь у спуска в глубокий овраг, некоторые собаки, крадучись, отбегали в сторону, а другие, ошетилившись и сверкая глазами, порывались пролезть в узкую расселину, что открывалась перед ними.

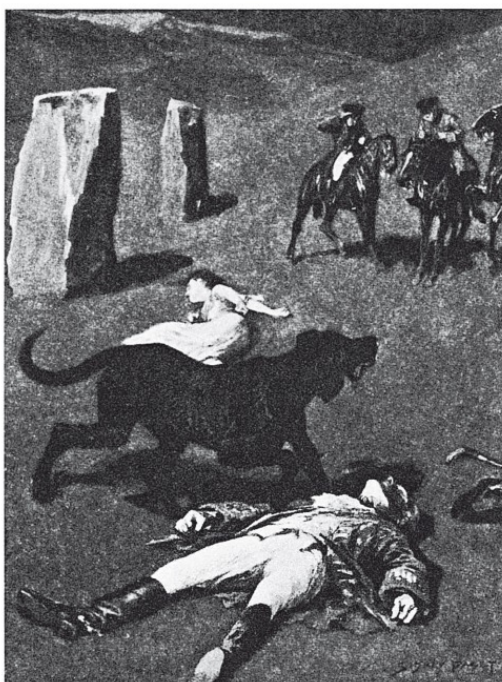
Всадники остановились, как можно догадаться, гораздо более трезвые, чем они были, пускаясь в путь. Большинство из них не решалось сделать вперёд ни шагу, но трое самых смелых или же самых хмельных направили коней в глубь оврага. И там взорам их открылась широкая лужайка, а на ней – два больших каменных столба, поставленных здесь ещё с незапамятных времён. Такие столбы попадаются на болотах и по сию пору. Луна ярко освещала лужайку, посреди которой лежала несчастная девица, скончавшаяся от страха и потери сил. Но не при виде её бездыханного тела и не при виде лежащего рядом тела Хьюго Баскервиля почувствовали трое бесшабашных гуляк, как волосы зашевелились у них на голове. Нет! Над Хьюго стояло мерзкое чудовище – огромный, чёрной масти зверь, сходный видом с собакой, но выше и крупнее всех собак, каких когда-либо приходилось видеть смертному. И это чудовище у них на глазах перервало глотку Хьюго Баскервилю и, повернув к ним свою окровавленную морду, сверкнуло горящими глазами. Тогда они вскрикнули, обуянные страхом, и, не переставая кричать, помчались во весь опор по болотам. Один из них, как говорят, умер в ту же ночь, не перенеся того, чему пришлось быть свидетелем, а двое других до конца дней своих не могли оправиться от столь тяжкого потрясения.

Таково, дети мои, предание о собаке, причинившей с тех самых пор столько бед нашему роду. И если я решил записать его, то лишь в надежде на то, что знакомое меньше терзает нас ужасом, чем недомолвки и домыслы.

Есть ли нужда отрицать, что многие в нашем роду умирали смертью внезапной, страшной и загадочной? Так пусть же не оставит нас провидение своей неизречённой милостью, ибо оно не станет поражать невинных, рождённых после третьего и четвёртого колена, коим грозит отмщение, как сказано в Библии. И сему провидению препоручаю я вас, дети мои, и заклинаю: остерегайтесь выходить на болото в ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно.

(Написано рукой Хьюго Баскервиля для сыновей Роджера и Джона, и приказываю им держать все сие в тайне от сестры их, Элизабет)».

Прочитав это странное повествование, доктор Мортимер сдвинул очки на лоб и уставился на мистера Шерлока Холмса. Тот зевнул и бросил окуроч в камин.

– Ну и что же? – сказал он.

– По-вашему, это неинтересно?

– Интересно – для любителей сказок.

Доктор Мортимер вынул из кармана сложенную вчетверо газету.

– Хорошо, мистер Холмс. Теперь мы познакомим вас с более современным материалом. Вот номер «Девонширской хроники» от четырнадцатого июня этого года. В нём помещён короткий отчёт о фактах, установленных в связи со смертью сэра Чарльза Баскервиля, постигшей его за несколько дней до этой даты.

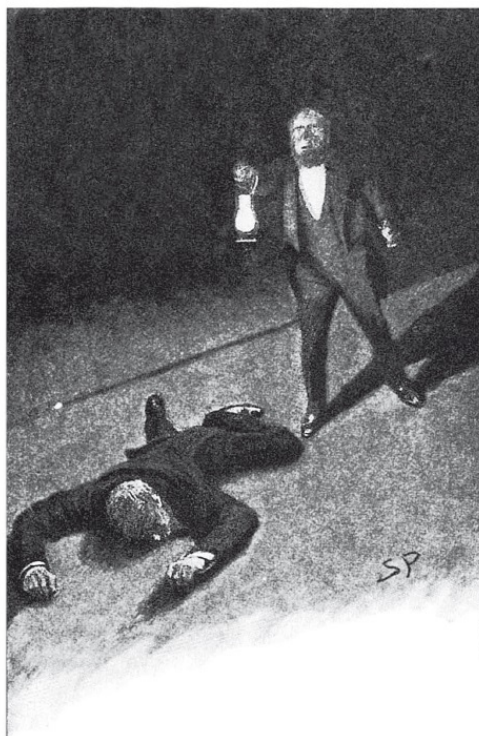
Мой друг чуть подался вперёд, и взгляд у него стал сразу внимательный. Поправив очки, доктор Мортимер начал:

– «Скоропостижная смерть сэра Чарльза Баскервиля, возможного кандидата от партии либералов на предстоящих выборах, произвела очень тяжёлое впечатление на весь Средний Девоншир. Хотя сэр Чарльз сравнительно недавно обосновался в Баскервиль-холле, своим радушием и щедростью он успел снискать себе любовь и уважение всех, кому приходилось иметь с ним дело. В наши дни владычества нуворишей приятно знать, что потомок древнего рода, знававшего лучшие времена, смог собственными руками нажить себе состояние и обработать его на восстановление былого величия своего имени. Как известно, сэр Чарльз совершал весьма прибыльные операции в Южной Африке. В противоположность многим другим людям, которые не останавливаются до тех пор, пока колесо Фортуны не повернётся против них, он, со свойственной ему трезвостью ума, реализовал свои доходы и вернулся в Англию с солидным капиталом. В Баскервиль-холле сэр Чарльз поселился всего лишь два года назад, но слухи о различных усовершенствованиях и планах перестройки поместья, прерванных его смертью, успели распространиться повсюду. Будучи бездетным, он не раз выражал намерение ещё при жизни облагодетельствовать своих земляков, и у многих из здешних жителей есть личный повод оплакивать его безвременную кончину. О щедрых пожертвованиях сэра Чарльза на нужды благотворительности как в местном масштабе, так и в масштабе всего графства неоднократно упоминалось на страницах нашей газеты.

Нельзя сказать, чтобы дознанию удалось полностью выяснить обстоятельства смерти сэра Чарльза Баскервиля, хотя оно всё же положило конец слухам, рождённым местными суеверными умами. У нас нет никаких оснований подозревать, что смерть последовала не от естественных причин. Сэр Чарльз был вдовец и, если можно так выразиться, человек со странностями. Несмотря на своё большое состояние, он жил очень скромно, и весь штат домашней прислуги в Баскервиль-холле состоял из супружеской четы Бэрриморов. Муж исполнял обязанности лакея, жена – экономки. В своих показаниях, совпадающих с показаниями близких друзей покойного, Бэрриморы отмечают, что здоровье сэра Чарльза за последнее время заметно ухудшилось. По их словам, он страдал болезнью сердца, о чём свидетельствовали то и дело появляющаяся у него одышка, бледность и подавленное состояние духа. Доктор Джеймс Мортимер, близкий друг и домашний врач покойного, подтвердил это в своих показаниях.

С фактической стороны всё обстояло весьма просто. Сэр Чарльз Баскервиль имел обыкновение гулять перед сном по знаменитой тисовой аллее Баскервиль-холла. Чета Бэрриморов показывает, что он никогда не изменял этой привычке. Четвёртого июня сэр Чарльз объявил о своём намерении уехать на следующий день в Лондон и приказал Бэрримору приготовить ему вещи к отъезду, а вечером, как обычно, отправился на прогулку, во время которой он всегда выкуривал сигару. Домой сэр Чарльз больше не вернулся. В полночь, увидев, что парадная дверь всё ещё открыта, Бэрримор встревожился, зажёл фонарь и отправился на поиски своего хозяина. В тот день было сыро, и следы сэра Чарльза ясно виднелись в аллее. Посередине этой аллеи есть калитка, которая ведёт на торфяные болота. Судя по некоторым данным, сэр Чарльз стоял около неё несколько минут, потом пошёл дальше... и в самом конце аллеи был обнаружен его труп.

Тут остаётся невыясненным одно обстоятельство. Бэрримор показывает, что, как только сэр Чарльз отошёл от калитки, характер его следов изменился – по-видимому, дальше он ступал на цыпочках. В то время по болоту, недалеко от аллеи, проходил цыган-барышник, некий Мерфи. Он слышал крики, но не мог определить, в какой стороне они раздавались, так как, по собственному признанию, был сильно пьян. Никаких следов насилия на теле сэра Чарльза не обнаружено. Правда, медицинская экспертиза отмечает изменившееся до неузнаваемости лицо покойного – доктор Мортимер даже отказался сначала верить, что перед ним лежит его друг и пациент, но подобное явление нередко сопровождает смерть от удушья и упадка сердечной деятельности. Это подтвердилось в результате вскрытия, которое дало полную картину застарелого органического порока сердца. Основываясь на данных медицинской экспертизы, присяжные на дознании вынесли вердикт – скоропостижная смерть, что значительно облегчает положение дел, так как желательно, чтобы наследник сэра Чарльза поселился в Баскервиль-холле и продолжал прекрасные начинания своего предшественника, прерванные таким трагическим концом. Если б прозаически точные выводы присяжных не положили конец романтическим домыслам в связи со смертью сэра Чарльза, которые передавались по всему графству из уст в уста, то Баскервиль-холлу трудно было бы найти хозяина. Как говорят, ближайшим родственником сэра Чарльза является мистер Генри Баскервиль (если он жив), сын среднего брата покойного. По последним имеющимся у нас сведениям, этот молодой человек находится в Америке. Сейчас приняты меры к тому, чтобы разыскать его и сообщить о полученном им большом наследстве».

Доктор Мортимер сложил газету и сунул её в карман.

– Вот всё, что сообщалось о смерти сэра Чарльза Баскервиля, мистер Холмс.

– Вы познакомили меня с делом, которое, безусловно, не лишено некоторого интереса, и я вам очень признателен за это, – сказал Шерлок Холмс. – В своё время мне приходилось читать о нём в газетах, но тогда я был так занят историей с ватиканскими камнями и так старался услужить папе, что прозевал несколько любопытных дел в Англии. Значит, это всё, что сообщалось о смерти сэра Чарльза?

– Да.

– Тогда ознакомьте меня с теми фактами, которые не попали в печать. – Он откинулся на спинку кресла, сомкнув кончики пальцев, и принял вид строгого и беспристрастного судьи.

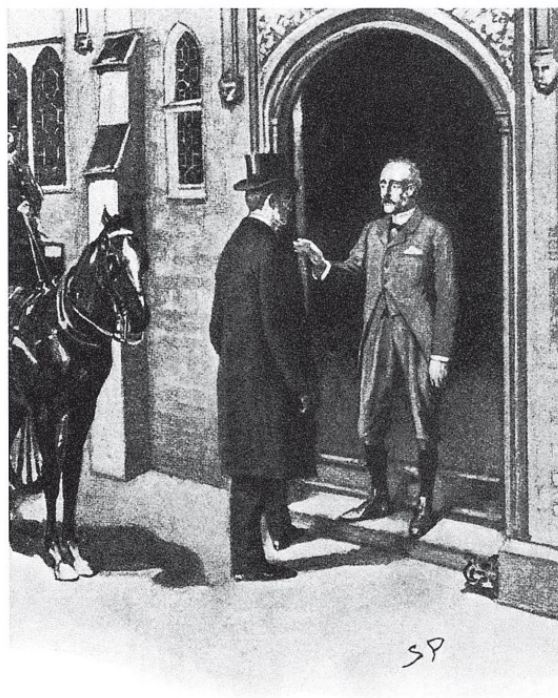
– Мне ещё ни с кем не приходилось говорить об этом, – начал доктор Мортимер, явно волнуясь. – Я о многом умолчал во время дознания по той простой причине, что человеку науки неудобно поддерживать слухи, рождённые суеверием. И я считаю, что газета права: углублять и без того мрачную репутацию Баскервиль-холла – значит обрекать его на прозябание без хозяина. Руководствуясь этими соображениями, я предпочёл кое о чём умолчать, потому что излишняя откровенность всё равно не принесла бы пользы. Но с вами я могу говорить напрямик.

Торфяные болота – место довольно безлюдное, поэтому более или менее близкие соседи стараются почаще встречаться друг с другом. Что касается меня, то я проводил довольно много времени в обществе сэра Чарльза Баскервиля. Если не считать мистера Френкланда из Лефтер-холла да ещё натуралиста мистера Стэплтона, в наших местах на протяжении многих миль не встретишь ни одного образованного человека. Сэр Чарльз любил уединение, но его болезнь сблизила нас, а общие интересы ещё больше укрепили эту близость. Он привёз весьма ценные материалы из Южной Африки, и мы с ним провели много приятных вечеров, обсуждая сравнительную анатомию бушменов и готтентотов.

Последнее время мне с каждым месяцем становилось всё яснее, что нервы сэра Чарльза напряжены до предела. Он верил в легенду, которую я вам прочитал, и, гуляя по своим владениям, не решался выходить на болота ночью. Вам это покажется нелепостью, мистер Холмс, но сэр Чарльз был твёрдо убеждён, что над его родом тяготеет страшное проклятие, и, действительно, примеры, которые он приводил из прошлого своей семьи, были неутешительны. Ему не давала покоя навязчивая идея о каком-то призрачном существе, и он то и дело спрашивал меня, не видал ли я чего-либо странного, когда ходил с визитами по больным, и не слышал ли собачьего лая. Последний вопрос сэр Чарльз задавал мне особенно часто, и его голос дрожал при этом от волнения.

Помню, как сейчас, недели за три до трагического события я подъехал вечером к Баскервиль-холлу. Сэр Чарльз стоял в дверях дома. Я вылез из шарабана и, подойдя к нему, вдруг заметил, что он смотрит куда-то через моё плечо с выражением предельного ужаса в глазах. Я круто обернулся и успел только мельком увидеть в самом конце аллеи какое-то животное вроде большого чёрного телёнка. Сэр Чарльз был в таком волнении и страхе, что мне пришлось пойти туда, где оно промелькнуло, и посмотреть, куда оно делось. Но там ничего не было.

Это происшествие произвело очень тяжёлое впечатление на моего друга. Я провёл с ним весь тот вечер, и вот тогда-то, решив объяснить мне причину своей тревоги, он и попросил меня взять на сохранение эту рукопись, с которой я счёл нужным ознакомить вас прежде всего. Я упомянул об этом маловажном случае только потому, что он приобрёл некоторое значение в последующей трагедии, но в то время всё это показалось мне чистейшим вздором, никак не оправдывающим волнение моего друга.

Сэр Чарльз, по моему совету, собирался в Лондон. Сердце у него было не в порядке, а страх, не дававший ему ни минуты покоя, явно сказывался на его здоровье, хотя причины этого страха были, на мой взгляд, просто вымышленные. Я рассчитывал, что несколько месяцев городской жизни подействуют на сэра Чарльза освежающе и он вернётся назад новым человеком. Того же мнения был мистер Стэплтон, который проявлял всегда большую заботу о здоровье нашего общего друга. И вот в самую последнюю минуту разразилось это страшное несчастье.

Лакей Бэрримор, нашедший ночью тело сэра Чарльза, немедленно послал ко мне верхом конюха Перкинса. Я поздно засиделся за работой и поэтому поспел в Баскервиль-холл быстро, самое большее через час. Все факты, о которых упоминалось во время дознания, были мною проверены и сопоставлены один с другим. Я прошёл по следам сэра Чарльза всю тисовую аллею, осмотрел то место у калитки, где он, по-видимому, остановился, обратил внимание на изменившийся характер его следов, убедился, что, кроме них, на мягком гравии видны только следы Бэрримора, и, наконец, тщательно обследовал тело, к которому до моего приезда никто не прикасался. Сэр Чарльз лежал ничком, раскинув руки, вцепившись пальцами в землю, и судорога так исказила его лицо, что я не сразу мог опознать труп. Физических повреждений на нём не оказалось. Но Бэрримор дал ошибочные показания. По его словам, на земле около тела не было видно никаких следов. Он просто не заметил их, а я заметил. На небольшом расстоянии от сэра Чарльза виднелись совершенно свежие и чёткие...

– Следы?

– Следы.

– Мужские или женские?

Доктор Мортимер как-то странно посмотрел на нас и ответил почти шёпотом:

– Мистер Холмс, это были отпечатки лап огромной собаки!

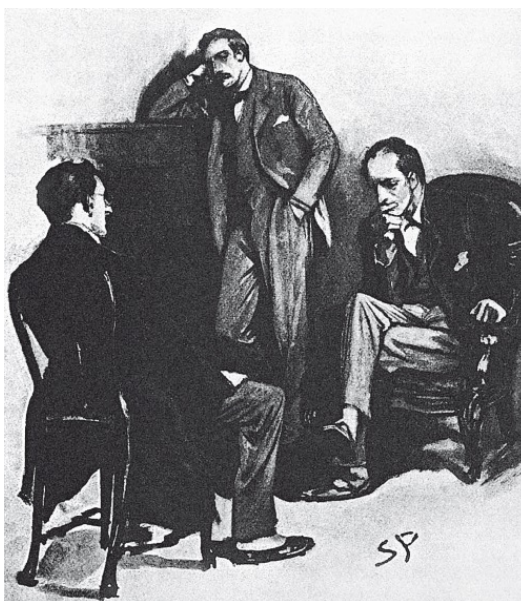
Глава III

Задача

Признаюсь, что при этих словах мороз пробежал у меня по коже. Судя по тому, как дрожал голос у доктора, он сам был глубоко взволнован своим рассказом. Холмс подался всем телом вперёд, и в глазах у него вспыхнули сухие, колющие искорки – верный признак проснувшегося интереса.

- Вы сами их видели?
- Точно так же, как вижу вас.
- И ничего об этом не сказали!
- А зачем?
- Неужели, кроме вас, их никто не видел?
- Они были шагах в тридцати от тела, и на них, вероятно, просто не обратили внимания. Я бы сам ничего не заметил, если б не вспомнил легенду.
- На болотах, должно быть, много овчарок?
- Разумеется. Но это была не овчарка.
- Вы говорите, что следы очень большие?
- Огромные.
- Но к телу сэра Чарльза они не приближались?
- Нет.
- Какая тогда стояла погода?
- Сырая, холодная.
- Но дождя не было?
- Нет.
- А что представляет собой эта аллея?
- По бокам высокая живая изгородь из тесно сросшихся старых тисов. Посередине – дорожка футов восьми в ширину.
- А между кустарником и дорожкой есть что-нибудь?
- Да, по обе стороны идёт полоска дёрна около шести футов в ширину.
- Если я правильно вас понял, в аллее есть калитка?
- Да, и эта калитка ведёт на болота.
- А других выходов туда нет?
- Нет.
- Следовательно, в тисовую аллею можно попасть или прямо из дома, или через калитку, которая ведёт на болота?
- Есть ещё один выход – через беседку в дальнем конце.
- Сэр Чарльз дошёл туда?
- Нет, он лежал шагах в пятидесяти от неё.
- Теперь, доктор Мортимер, будьте добры ответить мне на один очень важный вопрос: замеченные вами следы были не на траве, а на дорожке?
- На траве следов обычно не видно.
- Они были на той же стороне дорожки, где калитка?
- Да, на самом краю, ближе к калитке.
- Чрезвычайно интересно! Ещё один вопрос: калитка была закрыта?
- Не только закрыта, но и заперта на висячий замок.
- Какой она вышины?
- Футов четыре.

- Значит, через неё можно перелезть?
- Да.
- А около самой калитки было что-нибудь обнаружено?
- Нет, ничего особенного.
- Боже мой! Неужели там не посмотрели?
- Нет, я сам смотрел.
- И ничего не нашли?
- Там трудно было что-нибудь разобрать. Сэр Чарльз, по-видимому, простоял у калитки минут пять – десять.
- Почему вы так думаете?
- Потому что пепел дважды упал с его сигары.
- Превосходно! Вот такой помощник нам и нужен! Правда, Ватсон? Ну а следы?
- Гравий был испещрён его следами. Других я не заметил.

Шерлок Холмс нетерпеливо ударил себя ладонью по колену.

– Ах, если б я сам там был! – воскликнул он. – Это, по-видимому, чрезвычайно интересное дело. Какие богатые возможности для серьёзного научного расследования! Гравий – это такая страница, на которой я мог бы столько всего прочесть! А теперь она размыта дождём, затоптана башмаками любопытных фермеров... Ах, доктор Мортимер, доктор Мортимер! Почему же вы меня сразу не позвали? Какой грех на вашей совести!

– Я не мог обратиться к вам, мистер Холмс: ведь тогда мне пришлось бы предать гласности все эти факты, а я уже объяснил, что меня удерживало от такого шага. Кроме того... кроме того...

– Что же вы колеблетесь?

– Есть некая область, где бессилён самый проникательный и самый опытный сыщик.

– Вы намекаете, что мы имеем дело со сверхъестественной силой?

– Я этого не говорю.

– Не «говорю», но «думаю»?

– С тех пор как произошло это несчастье, мистер Холмс, мне рассказали несколько случаев, которые трудно связать с естественным ходом вещей.

– Например?

– Я выяснил, что кое-кто из местных жителей ещё до трагической смерти сэра Чарльза видел на болотах некое странное существо, в точности соответствующее описаниям баскервильского демона и не похожее ни на какое другое животное, известное науке. Все видевшие его утверждали в один голос: это страшный светящийся призрак непомерной величины. Я опросил этих людей. Их было трое: наш сосед, человек весьма трезвых взглядов на вещи, здешний кузнец и один фермер. Все они рассказывают о чудовищном привидении, почти слово в слово повторяя описание того пса, о котором говорится в легенде. Верьте мне, мистер Холмс, во всей нашей округе царит ужас, выходить на болото ночью никто не отваживается, разве только самые отчаянные смельчаки.

– И вы, человек науки, верите, что это явление сверхъестественное?

– Я сам не знаю, чему верить.

Холмс пожал плечами.

– До сих пор моя сыскная деятельность протекала в пределах этого мира, – сказал он. – Я борюсь со злом по мере своих скромных сил и возможностей, но восставать против самого

прародителя зла будет, пожалуй, чересчур самонадеянно с моей стороны. Однако вы не станете отрицать, что следы на гравии – вещь весьма реальная?

– Собаке, о которой говорится в предании, нельзя отказать в реальности, если она смогла загрызть человека. И всё же в ней было что-то демоническое.

– Я вижу, вы окончательно перешли на сторону мистиков, доктор Мортимер. Тогда скажите мне вот что. Если вы стали на такую точку зрения, зачем вам понадобился я? Вы говорите мне, что расследовать обстоятельства смерти сэра Чарльза бесполезно, и в то же время просите меня взяться за это.

– Я ни о чём таком вас не просил.

– Тогда чем же я могу помочь вам?

– Советом. Скажите мне, как я должен поступить с сэром Генри Баскервилем, который приедет на вокзал Ватерлоо, – доктор Мортимер посмотрел на часы, – ровно через час с четвертью.

– Это и есть наследник?

– Да. После смерти сэра Чарльза мы навели о нём справки и выяснили, что он ведёт хозяйство у себя на ферме, в Канаде. Судя по отзывам, это прекрасный, достойнейший молодой человек. Я сейчас говорю не как врач, а как доверенное лицо и душеприказчик сэра Чарльза.

– Других претендентов на наследство нет?

– Нет. Единственный другой родственник, о котором нам удалось кое-что узнать, – это Роджер Баскервиль, младший брат несчастного сэра Чарльза. Всех братьев было трое. Средний, умерший в молодых годах, – отец этого Генри. Младший, Роджер, считался в семье паршивой овцой. Он унаследовал баскервильевскую деспотичность и был как две капли воды похож на фамильный портрет того самого Хьюго Баскервиля. В Англии Роджер не ужился и был вынужден скрыться в Центральной Америке, где и умер в 1876 году от жёлтой лихорадки. Генри – последний отпрыск рода Баскервильей. Через час пять минут я должен буду встретить его на вокзале Ватерлоо. Он известил меня телеграммой, что сегодня утром приезжает в Саутгемптон. Так вот, мистер Холмс, посоветуйте: как мне с ним быть?

– А почему бы ему не уехать сразу в своё родовое поместье?

– Да, такое решение напрашивается само собой. Но вспомните, что все Баскервилей, которые жили там, кончали трагически. Я уверен, будь у сэра Чарльза возможность поговорить со мной перед смертью, он запретил бы мне привозить последнего отпрыска древнего рода в это страшное место. И в то же время нельзя отрицать, что благоденствие всей нашей унылой, нищей округи зависит от того, согласится сэр Генри жить в своём поместье или нет. Если Баскервиль-холл будет пустовать, все начинания сэра Чарльза пойдут прахом. Я боюсь, как бы моя личная заинтересованность в наших местных делах не взяла надо мной верх, и поэтому обращаюсь за советом к вам.

Холмс задумался.

– В двух словах дело обстоит так, – сказал он наконец. – Вы считаете, что некая злая сила делает Дартмур небезопасным для Баскервильей. Правильно я вас понял?

– Во всяком случае, некоторые данные для таких опасений имеются.

– Так. Но если ваша теория о сверхъестественных силах правильна, то они могут погубить этого молодого человека не только в Девоншире, но и в Лондоне. Трудно представить себе дьявола с такой узко местной властью. Ведь это не какой-нибудь член приходского управления.

– Если бы вам пришлось столкнуться со всем этим самому, мистер Холмс, вы бы не стали так шутить. Значит, по-вашему, молодому человеку безразлично, где быть – в Лондоне или Девоншире? Он приезжает через пятьдесят минут. Посоветуйте, что мне делать?

– Советую вам, сэр, позвать кеб, взять с собой своего спаниеля, который скребётся у входной двери, и ехать на вокзал встречать сэра Генри Баскервиля.

– А потом?

– Потом вы будете ждать, пока я обдумаю дальнейший план действий, а до тех пор ничего ему не говорите.

– Сколько вам потребуется времени на это?

– Одни сутки. Я буду весьма вам обязан, доктор Мортимер, если вы явитесь сюда завтра в десять часов утра и приведёте с собой сэра Генри Баскервиля. Мне нужно познакомиться с ним.

– Хорошо, мистер Холмс.

Он записал дату и час свидания на манжете и, так же рассеянно озираясь по сторонам, быстро вышел из комнаты.

Холмс окликнул его с площадки:

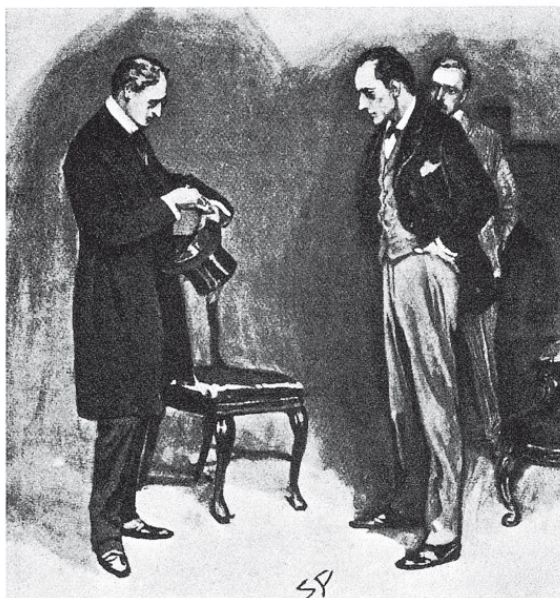
– Ещё один вопрос, доктор Мортимер. Вы говорите, что привидение являлось на болотах и раньше?

– Да, об этом рассказывают трое.

– А после смерти сэра Чарльза ничего такого не было?

– Не знаю. Не слышал.

– Благодарю вас. Всего хорошего.

Холмс сел на своё место в углу дивана и улыбнулся той спокойной, удовлетворённой улыбкой, которая всегда появлялась у него на лице, когда перед ним вставала достойная его задача.

– Уходите, Ватсон?

– Да, если я ничем не могу вам помочь.

– Нет, друг мой. Я обращаюсь к вам за помощью, когда надо приступить к действию. Но какое великолепное дело! Во многих отношениях просто из ряда вон выходящее. Когда будете проходить мимо Бредли, заверните к нему и попросите прислать мне фунт самого крепкого табака. Благодарю заранее. Постарайтесь не возвращаться до вечера. А тогда я с радостью обменяюсь с вами впечатлениями по поводу чрезвычайно интересной задачи, которую нам задали сегодня утром.

Уединение и покой были необходимы моему другу в часы напряжённой умственной работы, когда он взвешивал все мельчайшие подробности дела, строил одну за другой несколько гипотез, сравнивал их между собой и решал, какие сведения существенны и какими

можно пренебречь. Поэтому я провёл весь день в клубе и вернулся на Бейкер-стрит только к вечеру, около девяти часов.

Я отворил дверь в гостиную и перепугался – уж не пожар ли у нас? – ибо в комнате стоял такой дым, что сквозь него еле брезжил огонь лампы. Но мои опасения были напрасны: мне ударило в нос едким запахом крепчайшего дешёвого табака, отчего у меня немедленно запершило в горле. Сквозь дымовую завесу я еле разглядел Холмса, удобно устроившегося в кресле. Он был в халате и держал в зубах свою тёмную глиняную трубку. Вокруг него лежали какие-то бумажные рулоны.

– Простудились, Ватсон? – спросил он.

– Нет, просто дух захватило от этих ядовитых фимиамов.

– Да, вы, кажется, правы: здесь немного накурено.

– Какое там «немного»? Дышать нечем!!!

– Тогда отворите окно. Я вижу, вы просидели весь день в клубе?

– Холмс, дорогой мой!

– Правильно?

– Разумеется, правильно, но как вы...

Он засмеялся, глядя на мою растерянную физиономию.

– Ваше простодушие, Ватсон, поистине восхитительно! Если б вы знали, как мне приятно проверять на вас свои скромные силы! Джентльмен уходит из дому в мерзкую, дождливую погоду. Вечером он возвращается чистенький, без единого пятнышка. Цилиндр и ботинки на нём сверкают по-прежнему. Следовательно, он где-то сидел сиднем весь день. Близких друзей у него нет. Где же он был? Разве это не очевидно?

– Да, совершенно очевидно.

– Мир полон таких очевидностей, но их никто не замечает. Как вы думаете, где был я?

– Тоже весь день просидели сиднем?

– Вот и нет, я успел побывать в Девоншире.

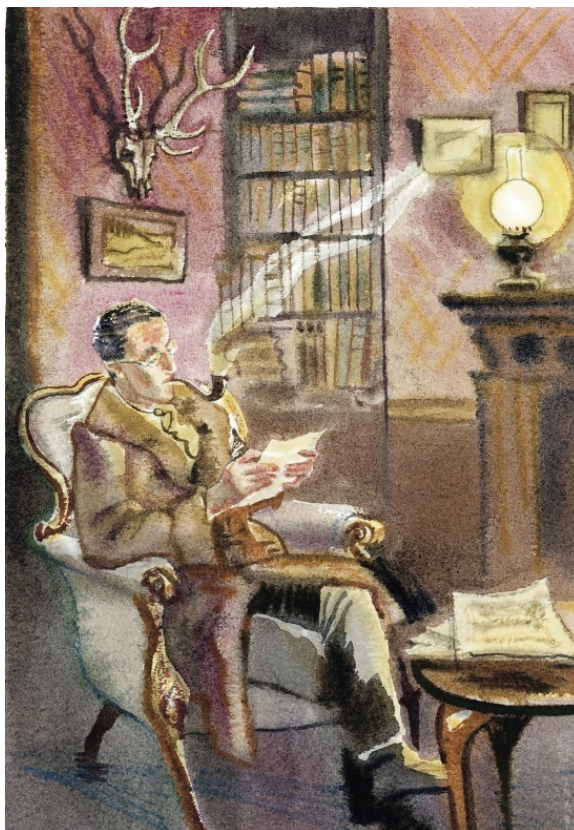
– Мысленно?

– Совершенно верно. Моё тело оставалось здесь, в кресле, и, как это ни грустно, успело выпить за день два больших кофейника и выкурить невероятное количество табака. Как только вы ушли, я послал к Стэнфорду за картой дартмурских болот, и мой дух блуждал по ним весь день. Лыщу себя надеждой, что теперь я освоился с этими местами как следует.

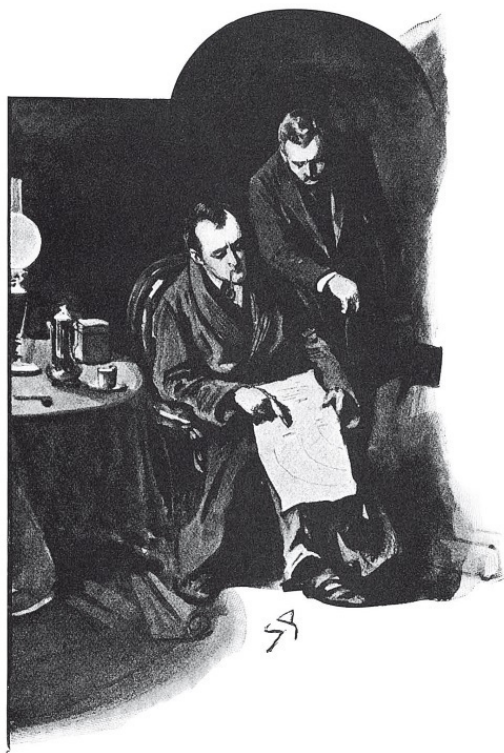
– Карта крупного масштаба?

– Да, очень крупного. – Он развернул один сектор этой карты и положил его на колени. – Вот тот самый участок, который нас интересует. В середине стоит Баскервиль-холл.

– Окружённый лесом?

– Совершенно верно. Тисовая аллея здесь не обозначена, но я полагаю, что она идёт справа, параллельно болотам. Вот эта маленькая группа строений – та самая деревушка Гримпен, где находится штаб-квартира нашего друга, доктора Мортимера. Как видите, на пять миль в окружности жильё встречается очень редко. Вот это Лефтер-холл, о котором упоминал доктор. Здесь, по-видимому, стоит дом натуралиста Стэплтона, если я правильно запомнил его фамилию. Вот это – две фермы: «Каменные столбы» и «Гнилое болото». В четырнадцати милях от них – Принстаунская каторжная тюрьма. А между этими отдельными точками и вокруг них расстилаются унылые, лишённые признаков жизни болота. Вот вам сцена, на которой разыгралась эта трагедия, и, может быть, разыграется ещё раз с нашей помощью.

- Да, места дикие.
- Сцена обставлена как нельзя лучше. Если дьявол действительно захотел вмешаться в людские дела...
- Значит, вы тоже склонны видеть во всём этом нечто сверхъестественное?
- А разве пособники дьявола не могут быть облечены в плоть и кровь? Для начала нам придётся решить два вопроса. Первый: было ли здесь совершено преступление? Второй: в чём заключается это преступление и как оно было совершено? Разумеется, если доктор Мортимер прав в своих догадках и мы имеем здесь дело с силами, которые находятся вне законов природы, тогда нам придётся сложить оружие. Но прежде чем успокаиваться на этом, надо проверить до конца все другие гипотезы. Давайте-ка закроем окно, если вы не возражаете. Как это ни странно, но, по-моему, концентрация табачного дыма способствует концентрации мысли. Я ещё не дошёл до того, чтобы забираться в ящик во время своих размышлений, но логический вывод из моей теории именно таков. Ну как, вы успели подумать над этим делом?
- Оно не выходило у меня из головы весь день.
- И к чему вы пришли?
- Запутанная история.
- Да, история весьма своеобразная. Особенно в некоторых деталях. Например, изменившийся характер следов. Как вы это объясняете?
- Мортимер говорил, будто бы сэр Чарльз прошёл эту часть аллеи на цыпочках.
- Он только повторил слова какого-то идиота, сказанные во время дознания. Зачем это человеку может понадобиться идти по аллее на цыпочках!
- Тогда в чём же тут дело?
- Он бежал, Ватсон. Спасался, бежал со всех ног. Так бежал, что сердце у него не выдержало и он на всём бегу упал мёртвым.
- Спасался? Но от кого?
- В том-то вся и загвоздка. Судя по некоторым данным, Чарльз Баскервиль потерял голову от страха, прежде чем обратиться в бегство.
- Почему вы так думаете?

– То, что его напугало, двигалось к нему с болот. Если я не ошибаюсь – а, по-видимому, всё так и было, как я предполагаю, – то бежать не к дому, а от дома мог только обезумевший человек. Цыган показал на дознании, что сэр Чарльз призывал на помощь, но бежал он в том направлении, где меньше всего можно было на неё рассчитывать. Потом ещё одна загадка: кого он поджидал в тот вечер и почему свидание должно было состояться в тисовой аллее, а не в доме?

– Вы думаете, что он ждал кого-то?

– Посудите сами: больной пожилой человек отправился вечером на прогулку – ничего удивительного в этом нет. Но ведь в тот день было сыро, холодно. Зачем же ему понадобилось попусту стоять у калитки пять, а то и десять минут, как утверждает доктор Мортимер, обративший внимание на сигарный пепел? Между прочим, как это ни странно, но ему нельзя отказать в наблюдательности.

– Сэр Чарльз совершал такие прогулки каждый вечер.

– И каждый вечер останавливался у калитки? Вряд ли. Наоборот, есть сведения, что сэр Чарльз старался держаться подальше от болот. А в ту ночь он кого-то ждал там. И это было накануне его предполагаемого отъезда в Лондон. Видите, Ватсон, как всё складывается – звено к звену! А теперь будьте любезны дать мне скрипку, и мы отложим всякое попечение об этом деле в надежде на то, что завтрашний визит доктора Мортимера и сэра Генри Баскервиля даст нам новую пищу для размышлений.

Глава IV

Сэр Генри Баскервиль

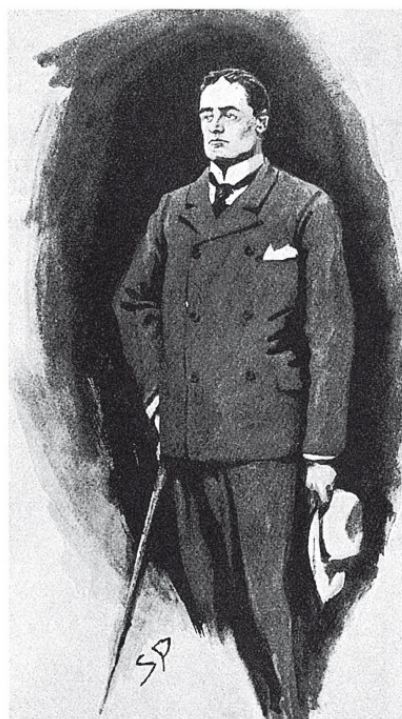
Мы позавтракали рано, и Холмс, облачённый в халат, приготовился к приёму посетителей. Наши клиенты не опоздали ни на секунду – как только часы пробили десять, доктор Мортимер вошёл в кабинет в сопровождении молодого баронета. Последнему было лет тридцать. Небольшого роста, коренастый, крепкий, он производил впечатление очень живого, здорового человека. Выражение его лица показалось мне упрямым; карие глаза смело смотрели на нас из-под густых тёмных бровей. Коричневый костюм спортивного покроя и смуглая обветренная кожа свидетельствовали о том, что этот человек отнюдь не домосед и не белоручка, и в то же время спокойная, уверенная осанка выдавала в нём истого джентльмена.

– Сэр Генри Баскервиль, – представил его нам доктор Мортимер.

– Да, он самый, – сказал баронет. – И любопытнее всего то, мистер Холмс, что если б мой друг не предложил мне посетить вас, я пришёл бы к вам по собственному почину. Вы, говорят, умеете отгадывать разные ребусы, а я как раз сегодня утром столкнулся с таким, который мне не по силам.

– Присаживайтесь, сэр Генри. Если я правильно вас понял, то по приезде в Лондон с вами произошло нечто не совсем обычное?

– Я не придаю этому особого значения, мистер Холмс. По-видимому, надо мной кто-то подшутил. Но сегодня утром я получил вот это письмо, если только оно заслуживает подобного наименования.

Он положил на стол конверт, и мы стали разглядывать его. Конверт оказался самым обыкновенным, из серой бумаги. Адрес – «Отель „Нортумберленд“, сэру Генри Баскервилю» – был написан крупными печатными буквами; на почтовом штемпеле стояло: «Чаринг-Кросс» и время отправления – вечер предыдущего дня.

– Кто-нибудь знал, что вы остановитесь в отеле «Нортумберленд»? – спросил Холмс, бросив пытливый взгляд на нашего гостя.

– Никто не знал. Я решил, где остановиться, только после встречи с доктором Мортимером.

– Но доктор Мортимер, очевидно, сам там остановился?

– Нет, я живу у знакомых, – сказал доктор. – Никто не мог знать, что мы поедем именно в этот отель.

– Гм! Значит, вашими передвижениями кто-то очень интересуется.

Холмс вынул из конверта сложенный вчетверо лист бумаги, развернул его и положил на стол. Посередине страницы стояла одна-единственная фраза, составленная из подклеенных одно к другому печатных слов. Она гласила следующее: «Если рассудок и жизнь дороги вам, держитесь подальше от торфяных болот». Слова «торфяных болот» были написаны от руки, чернилами.

– Так вот, мистер Холмс, – сказал сэр Генри Баскервиль, – может быть, вы разъясните мне, что всё это значит и кто проявляет такой интерес к моим делам?

– А что скажете вы, доктор Мортимер? На сей раз тут как будто нет ничего сверхъестественного?

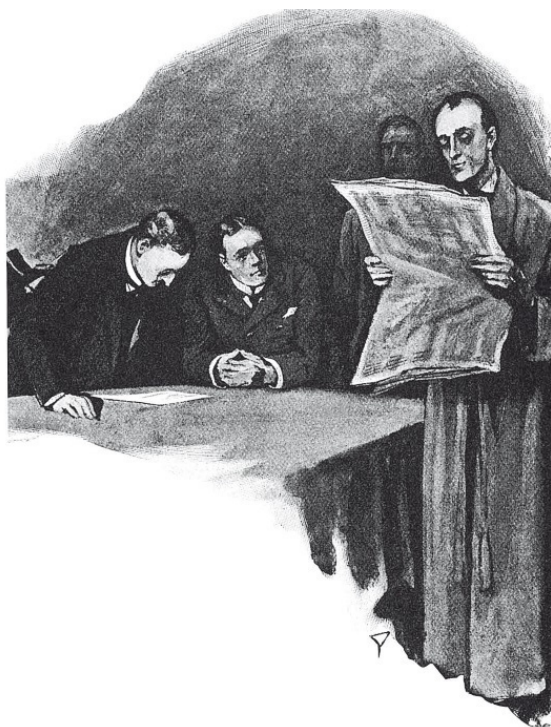
– Да, сэр, но, может быть, письмо послано человеком, который убеждён в том, что вся эта история совершенно сверхъестественна.

– Какая история? – резко спросил сэр Генри. – Вы, джентльмены, по-видимому, осведомлены о моих делах гораздо лучше, чем я сам?

– Мы посвятим вас во всё, сэр Генри. Без этого вы не уйдёте отсюда, поверьте моему слову, – сказал Шерлок Холмс. – А сейчас давайте займёмся этим весьма любопытным документом, который был составлен и опущен в почтовый ящик вчера вечером. Ватсон, есть у нас вчерашний «Таймс»?

– Вон там, в углу.

– Могу я вас побеспокоить? Дайте, пожалуйста, ту страницу, где передовая статья. – Он быстро пробежал её глазами. – «Свобода торговли»... Прекрасная передовица! Разрешите мне прочитать вслух один абзац: «Если кто-нибудь будет стараться внушить вам, что та отрасль промышленности, в которой вы лично заинтересованы, находится под защитой протекционных тарифов, держитесь подальше от таких людей, ибо рассудок должен вам подсказать, что подобная система в конце концов подорвёт наш импорт и нарушит нормальную жизнь нашего острова, интересы которого дороги всем нам». Что вы об этом скажете, Ватсон? – воскликнул Холмс, радостно потирая руки. – Блестящая мысль, не правда ли?

Доктор Мортимер посмотрел на Холмса, как смотрят заботливые врачи на тяжелобольных пациентов, а сэр Генри Баскервиль обратил ко мне недоумевающий взгляд своих карих глаз.

– Я не очень-то разбираюсь в таких вопросах, как тарифная политика, – сказал он, – но мне кажется, что мы несколько отклонились от нашей темы.

– Напротив! Мы идём по горячим следам, сэр Генри. Ватсон знаком с моим методом лучше вас, но боюсь, что смысл прочитанного отрывка ускользнул даже от него.

– Да, признаюсь, я не вижу никакой связи между ним и письмом.

– А связь, дорогой мой Ватсон, настолько тесная, что, по сути дела, одно состряпано из другого. «Если», «вам», «держитесь подальше от», «рассудок», «жизнь», «дороги». Неужели вы не догадываетесь, откуда взяты эти слова?

– Ах, чёрт возьми! Конечно, вы правы. Какая блестящая догадка! – воскликнул сэр Генри.

– Если вы всё ещё сомневаетесь, то взгляните на слова «держитесь подальше от» – они вырезаны подряд.

– Ну-ка... Да, действительно!

– Знаете, мистер Холмс, я даже не представлял себе, что такие вещи возможны! – сказал доктор Мортимер, с изумлением глядя на моего друга. – Догадаться, что слова вырезаны из газетного текста, это ещё туда-сюда. Но безошибочно назвать газету, и мало того – указать статью, из которой они взяты, это превосходит всякое воображение! Как вы догадались?

– Я полагаю, доктор, что вы можете отличить череп негра от черепа эскимоса?

– Разумеется, могу.

– Каким образом?

– Но ведь это мой конёк! Разница между тем и другим совершенно очевидна. Надбровные дуги, лицевой угол, строение челюсти...

– А у меня тоже есть свой конёк. На мой взгляд, разница между боргесом на шпонах, которым набираются передовицы «Таймса», и слепым шрифтом дешёвеньких вечерних листков не менее очевидна, чем разница между вашими неграми и эскимосами. Знание шрифтов – одно из самых элементарных требований к сыщику, хотя должен признаться, что в дни своей юности я однажды спутал «Лидского Меркурия» с «Утренними известиями». Но передовицу

«Таймса» ни с чем не спутаешь, и эти слова могли быть вырезаны только оттуда. А поскольку письмо было отправлено вчера, всё говорило за то, что нам следовало прежде всего заглянуть во вчерашний номер.

– Значит, мистер Холмс, – сказал сэр Генри Баскервиль, – кто-то составил это письмо, вырезав ножницами...

– Маникюрными ножницами, – перебил его Холмс. – Вы обратили внимание, какие у них короткие концы? Для того, чтобы вырезать слова «держитесь подальше от», пришлось сделать два надреза.

– Совершенно верно. Кто-то вырезал эти слова ножницами с короткими концами и наклеил их...

– Гуммиарабиком, – подсказал Холмс.

– ...и наклеил их гуммиарабиком на бумагу. Но почему же тогда слова «торфяных болот» написаны от руки?

– Потому что автор письма не нашёл их в газете. Все остальные слова довольно обыкновенные, их можно встретить в любом тексте, а эти попадают сравнительно редко.

– Весьма правдоподобное объяснение. А что ещё вам удалось здесь вычитать, мистер Холмс?

– Кое-что удалось, хотя автор прилагал все старания к тому, чтобы уничтожить малейшую улику. Как вы сами можете убедиться, адрес написан крупными печатными буквами. Но такая газета, как «Таймс», редко попадает в руки простых людей. Следовательно, отсюда можно заключить, что письмо было составлено образованным человеком, который старался выдать себя за необразованного и нарочно изменил почерк, по-видимому, опасаясь, как бы вы не узнали его, если не сейчас, то потом. Кроме того, обратите внимание, что слова наклеены неровно, некоторые из них выступают над строчкой. Например, слово «жизнь» сидит совсем не на месте. Это указывает на небрежность автора письма, а может быть, и на волнение или спешку. Я, пожалуй, склонен думать, что всему виной именно волнение и спешка, ибо вряд ли этот человек проявил бы небрежность в таком, по-видимому, серьёзном деле. Если же он действительно торопился, то интересно знать, почему. Ведь письмо, опущенное вчера, так или иначе должно было застать сэра Генри в отеле. Может быть, автор его боялся какой-то помехи? Но с чьей стороны?

– Мы, кажется, вступили в область догадок, – заметил доктор Мортимер.

– Скажите лучше, в область, где взвешиваются все возможности, с тем чтобы выбрать из них наиболее правдоподобную. Таково научное использование силы воображения, которое всегда работает у специалистов на твёрдой материальной основе. Вы, разумеется, назовёте это чистой догадкой, но я почти уверен, что адрес писался в какой-то гостинице.

– Почему вы так думаете?

– Осмотрите конверт повнимательнее, и вы увидите, что писавшему не повезло с письменными принадлежностями. Перо дважды запнулось на одном слове, и его пришлось трижды обмакнуть в чернильницу, чтобы написать такой короткий адрес. Значит, чернил было мало, на самом дне. Собственное перо и чернильницу редко доводят до такого состояния; а чтобы и то и другое отказывалось служить – это уж исключительный случай. Но, как вы знаете, в гостиницах других перьев и других чернильниц почти не бывает. Да, я, почти не колеблясь, скажу, что если б нам удалось обследовать все корзинки для бумаг во всех гостиницах поблизости от Чаринг-Кросса и обнаружить там остатки изрезанной передовицы «Таймса», мы сразу нашли бы автора этого странного послания... Стойте! Стойте! Что это?

Он стал внимательно вглядываться в страницу, на которой были наклеены слова, держа её на расстоянии одного-двух дюймов от глаз.

– Ну что?

– Нет, ничего, – сказал Холмс и положил письмо на стол. – Бумага совершенно гладкая, даже без водяных знаков. Нет, мы выжали из этого любопытного письма всё, что было можно. А теперь, сэр Генри, расскажите, не случилось ли с вами чего-либо из ряда вон выходящего с тех пор, как вы приехали в Лондон.

– Да нет, мистер Холмс, как будто ничего такого не случилось.

– Никто вас не подкарауливал, не выслеживал?

– Я, кажется, угодил в какой-то детективный роман, – сказал наш гость. – Кому может взбрести в голову устанавливать за мной слежку?

– Дайте срок, мы поговорим и об этом. А пока подумайте: неужели вам не о чем рассказать нам?

– Смотря по тому, что вы считаете достойным вашего внимания.

– Всё, что так или иначе выходит за рамки обычного уклада жизни.

Сэр Генри улыбнулся.

– Почти всё моё детство и юность прошли в Соединённых Штатах и в Канаде, поэтому английский уклад жизни мне ещё в новинку. Но вряд ли у вас считается в порядке вещей, когда у человека вдруг пропадает один башмак.

– Вы потеряли один башмак?

– Друг мой, – воскликнул доктор Мортимер, – да ваш башмак просто куда-нибудь засунули! Он найдётся. Стоит ли беспокоить мистера Холмса из-за таких пустяков!

– Но ведь он спрашивает, не случилось ли со мной чего-нибудь необычного.

– Совершенно верно, – сказал Холмс. – Меня интересует каждая мелочь, как бы она ни была нелепа. Значит, у вас пропал башмак?

– Да, но, может быть, его действительно куда-нибудь засунули. Вчера вечером я выставил башмаки за дверь, а утром там оказался только один. От коридорного мне так и не удалось

добиться вразумительного ответа. Обиднее всего, что я купил эту пару всего лишь накануне, на Стрэнде, и даже не успел обновить её.

– Вы отдали чистить новые башмаки? Зачем же это?

– Они были светло-коричневые. Поэтому я велел почистить их тёмной ваксой.

– Значит, по приезде в Лондон вы сразу же отправились покупать башмаки?

– Я вообще ходил по магазинам. Доктор Мортимер составил мне компанию. Дело в том, что если уж человеку суждено стать владельцем большого поместья, так и одеваться надо соответственно, а я несколько пренебрегал своим туалетом, живя на Западе. В числе других вещей были куплены и эти башмаки – ценой в шесть долларов! – а вот надеть-то их так и не пришлось.

– Если это кража, то довольно бессмысленная, – сказал Шерлок Холмс. – Я, признаться, согласен с доктором Мортимером: ваш башмак скоро найдётся.

– А теперь, джентльмены, – решительно заговорил баронет, – довольно мне рассуждать о том, чего я до сих пор толком не знаю. Пора вам сдержать своё слово и объяснить мне, к чему клонятся все эти разговоры.

– Законное требование, – согласился Холмс. – Доктор Мортимер, по-моему, вы должны сами всё рассказать сэру Генри, как рассказывали нам.

Ободрённый этой просьбой, наш учёный друг вынул из кармана рукопись и газету и повторил слово в слово свой вчерашний рассказ. Сэр Генри слушал с глубоким вниманием, время от времени прерывая доктора удивлёнными возгласами.

– Н-да, хорошее мне досталось наследство! – сказал он, когда длинное повествование было закончено. – О собаке я, конечно, слышал ещё с детских лет. Эту легенду любили рассказывать в нашей семье, хотя до сих пор я не придавал ей никакого значения. А что касается смерти дяди, то у меня так всё перепуталось в голове, что я ещё ничего не могу понять. Да, по-моему, вы сами не знаете, к кому тут надо было обращаться – к священнику или к полисмену.

– Совершенно верно.

– А теперь ещё это письмо, которое я получил. Оно, по-видимому, как-то связано с общим ходом событий.

– Да, судя по нему, кто-то знает гораздо лучше нас о том, что происходит на торфяных болотах, – сказал доктор Мортимер.

– И этот «кто-то», по-видимому, расположен к вам, – сказал Холмс, – если он предупреждает вас об опасности.

– А может быть, наоборот – кому-то выгодно отпугнуть меня от Баскервиль-холла?

– Это тоже не исключено... Я вам очень признателен, доктор Мортимер, что вы предложили мне такую интересную, сложную задачу. Но теперь, сэр Генри, надо решать по существу: можно ли вам ехать в Баскервиль-холл или нельзя?

– А почему бы мне туда не поехать?

– По-видимому, это небезопасно.

– Откуда же эта опасность исходит – от нашего семейного пугала или от людей?

– Вот это мы и должны выяснить.

– Как бы там ни было, но ответ мой будет таков: ни адские силы, ни людские козни не удержат меня здесь. Я поеду в дом своих предков. Это решение окончательно. – Его тёмные брови сошлись в одну линию, по смуглому лицу разлилась краска. Баскервильская неукротимость явно давала себя знать и в этом последнем отпрыске их рода. – Я ещё не успел обдумать то, что мне пришлось услышать от вас. Не так-то легко сразу всё усвоить и сразу решить, как быть дальше. Мне бы хотелось побыть часок одному и поразмыслить обо всём на досуге. Знаете что, мистер Холмс? Сейчас половина двенадцатого, и я отправляюсь прямо к себе в гостиницу. Что, если вы и ваш друг, доктор Ватсон, приедете к нам позавтракать часа в два? К тому времени я всё-таки что-нибудь надумаю.

– Вас это устраивает, Ватсон?

- Вполне.
- Тогда мы приедем. Позвать вам кеб?
- Нет, я лучше прогуляюсь, приду немного в себя после нашего разговора.
- Я с удовольствием присоединюсь к вам, – сказал его спутник.
- Значит, в два часа мы увидимся. До скорой встречи, всего хорошего.

Мы слышали, как наши посетители спустились вниз по ступенькам и захлопнули за собой входную дверь. Холмс мгновенно преобразился – от его томности не осталось и следа, он снова стал человеком действия.

- Одевайтесь, Ватсон, скорей! Нельзя терять ни секунды.

Снимая на ходу халат, он быстро ушёл к себе и через две-три минуты вернулся уже в сюртуке.

Мы сбежали вниз по лестнице на улицу. Доктор Мортимер и Баскервиль ещё виднелись впереди, шагах в двухстах от нас. Они шли по направлению к Оксфорд-стрит.

- Догнать их?

– Ни в коем случае, друг мой! Если вы со мной не соскучитесь, то я с вами и подавно. Наши друзья правы: прогуляться в такое утро – одно удовольствие.

Он прибавил шаг, и расстояние между нами и нашими недавними посетителями мало-помалу сократилось наполовину. Продолжая сохранять эту дистанцию, мы свернули за ними на Оксфорд-стрит, потом на Риджент-стрит. Около одного из магазинов сэр Генри и доктор Мортимер остановились, разглядывая витрину, и Холмс остановился тоже. Секунду спустя он вдруг удовлетворённо хмыкнул, и, проследив направление его внимательного взгляда, я увидел, что стоявший по ту сторону улицы кеб, в окне которого виднелся седок, медленно двинулся вперёд.

– Вот его-то нам и надо, Ватсон! Пойдёмте. Постараемся хотя бы разглядеть этого человека.

В ту же минуту передо мной в боковом окне кеба мелькнула густая чёрная борода, и чьи-то глаза смерили нас пронзительным взглядом. Сейчас же вслед за этим приоткрылось верхнее окошечко, седок что-то крикнул кебмену, и кеб стремительно понёсся по Риджент-стрит. Холмс оглянулся, ища свободный экипаж, но тщетно – свободных не было. Тогда он кинулся в самую гущу уличного движения за кебом, который быстро исчезал у нас из виду.

– Ах, чёрт! – бледный от досады, еле выговорил он, вынырнув из уличного потока. – Вот не повезло! Да я сам во всём виноват, Ватсон! Ватсон! Если в вас есть хоть капля порядочности, вы занесёте в свои анналы эту мою оплошность наравне с моими успехами.

– Что это за человек?

– Понятия не имею.

– Соглядатай?

– Да, очевидно, за Баскервилем кто-то следит с самого его приезда в Лондон. Иначе откуда стало известно, что он остановился в отеле «Нортумберленд»? Я рассудил так: если его выслеживали в первый день, то будут выслеживать и в дальнейшем. Вы, наверно, обратили внимание, что я дважды подходил к окну, пока доктор Мортимер читал свою легенду?

– Да, помню.

– Мне было интересно, не слоняется ли кто-нибудь около дома, но никаких подозрительных личностей я не заметил. Мы имеем дело с умным человеком, Ватсон. Это всё очень серьёзно, и хотя мне до сих пор ещё не ясно, какие здесь действуют силы – добрые или злые, – я тем не менее непрестанно ощущаю чьё-то постороннее вмешательство, чей-то точный расчёт. Когда наши новые друзья ушли, я тотчас же кинулся за ними вдогонку, надеясь, что вот тут-то мне и попадётся их неуловимая тень. А этот хитрец не решился идти пешком и взял кеб, чтобы по мере надобности тянуться сзади или же обгонять их, оставаясь при этом незамеченным. Его методы имеют ещё ту выгоду, что если бы они тоже сели в кеб, он бы не потерял их из виду. Но всё же одно уязвимое место в этом методе есть.

– Кебмен?

– Вот именно.

– Какая жалость, что мы не заметили его номера!

– Дорогой мой Ватсон! Мне, правда, нечем похвалиться на сей раз, но неужели вы допускаете хоть на одну минуту, что я не заметил номера? Пожалуйста: две тысячи семьсот четыре. Впрочем, сейчас это нам ни к чему.

– Не вижу, что вы могли ещё сделать.

– Увидев его, я должен был немедленно повернуть в противоположную сторону, не спеша взять кеб и на почтительном расстоянии следовать за первым. А ещё лучше было бы поехать прямо к отелю и ждать дальнейших событий там. Этот таинственный незнакомец проводил бы Баскервиля до дверей, и мы с помощью его же собственного метода могли бы проследить, куда он потом денется. А теперь наш противник поразительно ловко воспользовался моей неуместной поспешностью, которая выдала нас с головой и сбила меня со следа.

Во время этого разговора мы медленно шли по Риджент-стрит, уже не видя перед собой доктора Мортимера и его спутника.

– Теперь не имеет никакого смысла наблюдать за ними, – сказал Холмс. – Их тень исчезла и больше не появится. Надо посмотреть, какие козыри у нас в руках, и смело бить ими. Вы хорошо разглядели лицо этого человека в кебе?

– Лицо нет, а бороду разглядел.

– Я тоже... а отсюда следует, что борода была, по всей вероятности, фальшивая. Когда умный человек пускается в такое рискованное, требующее особой осторожности предприятие, ему нужна борода для маскировки. Зайдёмте сюда, Ватсон.

Холмс завернул в одну из рассыльных контор этого района, начальник которой встретил его с распростёртыми объятиями.

– Ага, Уилсон, я вижу, вы не забыли, как мне посчастливилось помочь вам в том маленьком дельце!

– Что вы, сэр, разве это забудешь? Я вам обязан своим честным именем, а может, и жизнью.

– Вы преувеличиваете, друг мой! Кстати, Уилсон, мне помнится, у вас был один мальчуган по имени Картрайт, который проявил большую сообразительность во время расследования вашего дела.

– Да, сэр, он и сейчас у меня работает.

– Нельзя ли его вызвать? Благодарю вас. И ещё будьте любезны разменять мне вот эти пять фунтов.

На зов начальника явился четырнадцатилетний подросток с живым, умным лицом. Он стал перед нами, с благоговением глядя на знаменитого сыщика.

– Дайте мне «Путеводитель по гостиницам», – сказал Холмс. – Благодарю вас. Смотрите, Картрайт, вот это названия двадцати трёх гостиниц в районе Чаринг-Кросса. Видите?

– Да, сэр.

– Вы обойдёте их все по очереди.

– Слушаю, сэр.

– И для начала будете давать швейцарам по шиллингу. Вот вам двадцать три шиллинга.

– Слушаю, сэр.

– Вы скажете, что вам нужно посмотреть мусор, выброшенный вчера из корзин. Объясните это так: одну очень важную телеграмму ошибочно доставили не по тому адресу и вам велено её разыскать. Понятно?

– Да, сэр.

– Но на самом деле вы будете искать страницу газеты «Таймс», изрезанную в нескольких местах ножницами. Вот номер «Таймса», а страница нужна вот эта. Вы сможете отличить её от других?

– Да, сэр.

– Швейцары будут, конечно, отсылать вас к коридорным, вы и им дадите по шиллингу. Вот вам ещё двадцать три шиллинга. В двадцати случаях из двадцати трёх, вероятно, окажется, что мусор из корзин выкинут или сожжён. Но в трёх остальных гостиницах вам покажут грудку бумаг, среди которых вы и поищите эту страницу. Шансов на удачу очень мало. На всякий случай даю вам ещё десять шиллингов. К вечеру телеграфируйте мне, на Бейкер-стрит, как у вас обстоят дела... А теперь, Ватсон, нам с вами осталось только запросить по телеграфу о кебмене номер две тысячи семьсот четыре, после чего мы заглянем в какую-нибудь картинную галерею на Бонд-стрит и проведём там время, оставшееся до завтрака.

Глава V

Три оборванные нити

Шерлок Холмс обладал удивительной способностью отрешаться от мыслей о делах. Он весь ушёл в созерцание полотен современных бельгийских художников и за два часа, по-видимому, ни разу не вспомнил о странной истории, в которую силой обстоятельств вовлекло и нас. Всю дорогу от картинной галереи до отеля «Нортумберленд» он говорил только о живописи, несмотря на то, что понятия его в этой области отличались крайней примитивностью.

– Сэр Генри Баскервиль ожидает вас наверху, – сказал нам дежурный по вестибюлю. – Он просил сразу же провести к нему гостей.

– Вы не разрешите мне посмотреть списки ваших постояльцев? – спросил Холмс.

– Пожалуйста, сэр.

После фамилии «Баскервиль» в книге были ещё две записи: «Теофилиус Джонсон с семьёй, из Ньюкасла» и «Миссис Олдмор с горничной, из Элтона».

– Не тот ли это Джонсон, которого я когда-то знал? – сказал Холмс дежурному. – Он адвокат, седой и немного прихрамывает?

– Нет, сэр. Мистер Джонсон – владелец угольных копей, ещё не старый джентльмен, ваших лет.

– Вы уверены, что он не адвокат?

– Уверен, сэр. Мистер Джонсон – наш частый гость, мы его знаем не первый год.

– Да? Ну, не спорю. Миссис Олдмор... Я где-то слышал эту фамилию. Простите меня за любопытство, но иной раз бывает так, что ищешь одного знакомого, а находишь другого.

– Миссис Олдмор – женщина слабого здоровья, сэр. Её муж был когда-то мэром Глостера. Она останавливается только у нас, когда приезжает в город.

– Благодарю вас. Вероятно, я спутал её с другой леди... Эти вопросы помогли нам установить один очень важный факт, Ватсон, – продолжал Холмс вполголоса, пока мы поднимались по лестнице. – Теперь нам ясно, что люди, которые так интересуются нашим другом, остановились не здесь. Значит, старательно наблюдая за каждым его шагом, в чём мы уже убедились, они так же старательно избегают попадаться ему на глаза. А это говорит о многом.

– Например, о чём?

– Ну, хотя бы о том... Стойте! Друг мой, что случилось?

Дойдя до верхней площадки, мы столкнулись там с сэром Генри Баскервилем. Он выбежал на лестницу весь красный от гнева, держа в руках старый, пыльный башмак. У него даже язык заплетался от ярости, и когда он наконец обрёл дар речи, то сразу сбился на явный американский акцент, чего мы утром за ним не замечали.

– За кого меня принимают в этой гостинице – за дурачка, что ли? – закричал сэр Генри. – Не позволю с собой шутить! Если этот болван не найдёт моего башмака, я устрою скандал! У меня тоже есть чувство юмора, мистер Холмс, но на сей раз здешние шутники малость пересолили.

– Всё ещё разыскиваете свою пропажу?

– Да, разыскиваю и не успокоюсь, пока не найду.

– Но, по-моему, вы говорили о новом светло-коричневом башмаке?

– Да, сэр. А теперь та же история с чёрным.

– Как! Неужели вы хватились и...

– Вот именно! У меня всего-навсего три пары обуви – новая светло-коричневая, старая чёрная и лакированные туфли, которые сейчас на мне. Вчера вечером пропал один коричне-

вый башмак, а сегодня стащили и чёрный. Ну, нашли? Отвечайте же! Что вы на меня так уставились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.